Литрес ≡ Классика

Эмиль Золя

ЗАПАДНЯ

Эмиль Золя

Западня

«ЛитРес»

1877

Золя Э.

Западня / Э. Золя — «ЛитРес», 1877

Молодая прачка Жервеза, брошенная сожителем, пытается честным трудом выбиться из нищеты и устроить достойную жизнь для себя и своих детей в рабочем Париже. Однако бедность, пьянство, окружение и собственные слабости постепенно затягивают её в беспросветную «западню», из которой всё труднее выбраться. Это одно из самых сильных натуралистических произведений Золя о жизни парижских низов.

© Золя Э., 1877
© ЛитРес, 1877

Содержание

I 6
II 23
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Эмиль Золя
Западня

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

I

Жервеза ждала Лантье до двух часов ночи. Наконец, продрогнув в одной кофточке у окна, она повалилась поперек кровати вся в слезах и забылась лихорадочно-возбужденным сном. Вот уже с неделю Лантье, выходя из «Двуголового Теленка», где они обедали, отправлял ее с детьми спать, а сам пропадал где-то до поздней ночи, будто бы в поисках работы. Нынче вечером, когда Жервеза караулила его, ей показалось, что она видела, как он входил в танцульку «Большой Балкон», который полыхал своими десятью окнами, заливая морем света черную полосу внешних бульваров. Позади Лантье она заметила маленькую Адель, полировщицу, обедавшую в одном ресторане с ними; она шла за Лантье следом, в пяти или в шести шагах, растопырив локти; казалось, она только что выпустила его руку, чтобы не проходить вдвоем под ярким светом фонарей, горевших у входа.

В пять часов утра Жервеза проснулась, разбитая, окоченевшая, и разразилась рыданиями: Лантье все еще не возвратился. В первый раз он не ночевал дома. Она села на край кровати, под лоскутом полинялой ткани, свисавшей со стержня, прикрепленного к потолку веревочками. Мутным от слез взглядом Жервеза медленно обвела свою жалкую комнату, – ореховый комод без ящика, три соломенных стула и маленький засаленный столик, на кото-

ром стоял потрескавшийся кувшин. Железная кровать, поставленная для детей, загораживала комод и занимала почти две трети комнаты. Сундук Жервезы и Лантье с откинутой крышкой зиял в углу: он был почти пуст. На дне его из-под грязных носков и сорочек виднелась старая мужская шляпа. На спинках стульев у стены висели истрепанные штаны и рваная шаль – последнее тряпье, которого не брали даже старьевщики. На камине, между двумя непарными цинковыми подсвечниками, лежала пачка нежно-розовых ломбардных квитанций. Это была лучшая комната в номерах, во втором этаже, с окнами на бульвар.

Дети спали рядышком на одной подушке. Восьмилетний Клод, выпростав ручки из-под одеяла, тихонько посапывал, а Этьен, которому было только четыре года, обнимал брата за шею, улыбаясь во сне. Когда заплаканные глаза матери остановились на детях, она снова разразилась рыданиями и уткнулась в платок, чтобы заглушить всхлипывания. Туфли свалились с ее ног; она даже не заметила этого, босиком подошла к окну и снова, как ночью, стала ждать, жадно вглядываясь в далекие тротуары.

Номера находились на бульваре Шапель, налево от заставы Пуассоньер. Это был старый двухэтажный дом с прогнившими от дождей ставнями, до половины выкрашенный в темно-красный цвет. Между двумя окнами, над фонарем с разбитыми стеклами, было написано большими желтыми буквами: «Гостиница Гостеприимство, содержатель Марсулье». Прижимая платок к губам, Жервеза вглядывалась вдаль, запрокидывая голову, так как ее слепил свет фонаря. Она смотрела направо, в сторону бульвара Рошешуар, где мясники в окровавленных фартуках толпились у боен, откуда ветер доносил временами резкий запах животных. Она смотрела влево, окидывая взором длинную ленту улицы, упиравшейся прямо против нее в белую громаду строящейся больницы Ларибуазьер. Она медленно скользила взглядом по городской стене, за которой ночами раздавались крики о помощи, она вглядывалась во все закоулки, в темные углы, черные от сырости и грязи, страшась обнаружить где-нибудь труп Лантье с распоротым животом. Поверх бесконечной стены, опоясывавшей город пустынной серой полосой, уже растекался яркий свет, воздух был пронизан солнечной пылью, уже слышался утренний гул Парижа. Но чаще всего Жервеза, изогнувшись и вытянув шею, глядела в сторону заставы Пуассоньер, словно завороженная беспрерывным потоком людей, тележек, лошадей, стекавшим с высот Монмартра и Шапеля и вливавшимся в проем городской стены между двух низких таможенных башен. Оттуда доносился топот стада, топот толпы, которая, при внезапных остановках на мостовой, растекалась бесконечными вереницами мастеровых, идущих на работу с инструментами на плече и хлебом под мышкой. Вся эта мешанина беспрерывно поглощалась Парижем, постепенно рассасываясь и растворяясь в нем. Когда Жервезе казалось, что среди идущих она узнает Лантье, она высовывалась из окна, рискуя упасть, а потом еще крепче прижимала платок к губам, как бы стараясь втиснуть в себя свое горе.

Веселый молодой голос оторвал ее от окна.

– Что, хозяина нет, госпожа Лантье?

– Нет, господин Купо, – ответила Жервеза, силясь улыбнуться.

Это был рабочий-кровельщик, снимавший в номерах каморку за десять франков на самом верху. За плечами у него был мешок. Увидя ключ в двери, он вошел не постучав, на правах приятеля.

– Знаете, – продолжал он, – я теперь работаю там, в больнице… Но как хорош, однако, май! Ядовитая погодка, а?

Он взглянул на заплаканное, покрасневшее лицо Жервезы, заметил смятую, но застланную кровать и тихонько покачал головой. Потом подошел к детям, которые все еще спали, розовые, как ангелочки, и сказал, понизив голос:

– Так. Загулял, значит, хозяин… Да вы не расстраивайтесь, госпожа Лантье. Ведь он очень политикой интересуется. Когда на выборах голосовали за Эжена Сю, хорошего парня как

будто, – он чуть с ума не сошел. Может статься, и нынче он просидел где-нибудь с друзьями всю ночь напролет и крыл каналью Бонапарта.

– Нет, нет, – с усилием прошептала Жервеза. – Это совсем не то, что вы думаете: я знаю, где Лантье… Боже мой, у всякого свое горе!

Купо подмигнул ей, чтобы показать, что не верит этой выдумке. Он предложил сбегать для нее за молоком, если она не хочет выходить; потом сказал, что она прекрасная, достойная женщина, что в беде она всегда может рассчитывать на него. Как только он ушел, Жервеза вернулась к окошку.

У заставы в холодном утреннем воздухе все еще раздавался топот. Можно было различить слесарей в синих куртках, каменщиков в белых штанах и маляров в «полупальто», из-под которых виднелись длинные блузы. Вдали вся эта масса смешивалась, стиралась в один общий мутный тон с преобладанием грязно-серого и линялого синего. Время от времени кто-нибудь из рабочих останавливался раскурить трубку, а другие шли мимо него не улыбаясь, не перекидываясь словечком; их землисто-серые лица были обращены к Парижу, и город проглатывал их одного за другим зияющим зевом улицы Фобур-Пуассоньер. Но на улице Пуассонье, у двух кабачков, расположенных друг против друга, где как раз открывались ставни, многие замедляли шаг. Прежде чем войти, люди останавливались на краю тротуара и искоса поглядывали на Париж. В руках появлялась какая-то слабость, овладевал соблазн погулять денек. У прилавка, прочищая себе глотку, опрокидывали стаканчик, отхаркивались, плевали, потом чокались, пропускали по второму и толпились, не сходя с места и загромождая помещение.

Жервеза не спускала глаз с кабачка дяди Коломба, на левой стороне: ей показалось, что Лантье вошел туда. Вдруг ее окликнула с улицы толстая простоволосая женщина в фартуке:

– Раненько вы встали, госпожа Лантье!

Жервеза нагнулась.

– А, это вы, госпожа Бош!.. У меня сегодня пропасть работы.

– Да, так вот оно и выходит. Само-то собой ничего не делается.

И начался разговор из окна на улицу. Г-жа Бош была привратницей дома, в котором ресторан «Двуголовый Теленок» занимал нижний этаж. Жервеза часто поджидала Лантье в ее комнатушке, чтобы не сидеть одной с обедающими мужчинами. Привратница сказала, что идет на улицу Шарбоньер: она хотела застать еще в постели должника-служащего, с которого ее муж никак не мог получить за починку сюртука. Потом она стала рассказывать, как вчера один жилец привел к себе женщину и до трех часов ночи никому не давал спать. Но, не переставая тараторить, г-жа Бош пристально, с жадным любопытством оглядывала Жервезу. Казалось, она для того только и пришла, для того и стала под окошком, чтобы выведать что-то.

– Лантье еще не вставал? – внезапно спросила она.

– Да, он спит, – ответила Жервеза и невольно вспыхнула.

Г-жа Бош с удовлетворением заметила на ее глазах слезы и отошла, ругая мужчин паршивыми бездельниками. Но она тут же вернулась и крикнула:

– Ведь вы нынче идете в прачечную, правда?.. Мне тоже нужно кое-что постирать. Я займу для вас место рядом, мы еще поболтаем. – Потом, как бы охваченная внезапной жалостью, она добавила: – А вы бы лучше отошли от окна, бедняжечка вы моя. Еще заболеете… Глядите, совсем посинели.

Но Жервеза словно застыла у окошка. Прошло еще два томительно долгих часа. Лавки открылись. Поток блуз, спускавшийся с высот, уже иссяк. Только отдельные запоздавшие рабочие, торопливо шагая, проходили заставу. Те, что застряли в кабачках, продолжали пить, отхаркиваться и плевать. Рабочих сменили теперь работницы: лакировщицы, модистки, цветочницы. Они быстро шли по бульварам, ежась в своей легкой одежонке. Шли они кучками, по три, по четыре, оживленно болтая, хихикая, сверкая глазами и поглядывая по сторонам. Время от времени проходила в одиночку какая-нибудь пожилая работница, бледная, худая, серьезная;

она медленно шагала вдоль городской стены, обходя зловонные лужи. Потом пошли служащие. Они дули на пальцы и ели на ходу пятисантимовые булочки. Шли тощие заспанные молодые люди в коротких сюртуках, с синевой под глазами; шли желтые старички с изможденными от долгого сидения в конторе лицами; они быстро семенили по тротуару и поглядывали на часы, соразмеряя по ним скорость своей ходьбы секунда в секунду. Наконец бульвары приняли свой мирный утренний вид. Соседние рантье прогуливались на солнышке; простоволосые матери в грязных юбках укачивали грудных младенцев и меняли им пеленки на скамейках; сопливые, обтрепанные ребятишки возились кучками, ползали по земле, пищали, смеялись и плакали.

Жервеза чувствовала, что ей становится трудно дышать, – смертельная тоска охватила ее, она больше уже ни на что не надеялась: ей казалось, что все кончено, что время остановилось, что Лантье не вернется никогда. Ее блуждающий взгляд переходил с почерневшей, пропитанной смрадом старой бойни на белесый остов строящейся больницы, сквозь зияющие пустые окна которой видны были голые палаты, куда скоро придет косить смерть. А прямо перед ней, над городской стеной, над шумно пробуждающимся Парижем небо разгоралось все ярче, и сверкающие солнечные лучи ослепляли ее.

Когда Лантье спокойно вошел в комнату, Жервеза уже не плакала. Она сидела на стуле, бессильно опустив руки.

– Это ты, ты! – закричала она, бросаясь к нему.

– Да, я. А дальше что? – ответил он. – Да что ты, одурела, что ли?

Он оттолкнул ее и сердито швырнул свою черную фетровую шляпу на комод. Это был молодой человек лет двадцати шести, маленького роста, с очень смуглой красивой физиономией, с тонкими усиками, которые он все время машинально покручивал. На нем были синие холщовые рабочие штаны и старый, засаленный, узкий в талии сюртук. Говорил он с резким провансальским акцентом.

Жервеза снова опустилась на стул и тихонько, прерывающимся голосом стала жаловаться:

– Я всю ночь глаз не смыкала… я думала, тебя убили… Где ты был? Где ночевал?.. Боже мой! Не говори ничего, я с ума сойду!.. Огюст, где ты был?

– Где надо, там и был, – отвечал Огюст, пожимая плечами. – В восемь часов был в Гласьере, у того приятеля, что хочет открыть шапочную мастерскую. Ну, и засиделся там. Конечно, я предпочел заночевать… И потом – ты отлично знаешь, я терпеть не могу, когда за мной шпионят. Оставь меня, пожалуйста, в покое!

Жервеза снова зарыдала… Шум голосов, резкие движения Лантье, который сердито двигал стульями, разбудили детей. Они уселись полуголые в кровати и начали ручонками приглаживать волосы. Услыхав материнский плач, они отчаянно заревели: слезы хлынули градом из их заспанных слипавшихся глазенок.

– Ну, пошла музыка! – в бешенстве закричал Лантье. – Смотрите, я уйду! Да, уйду! И на этот раз уйду навсегда!.. Да заткнетесь вы или нет? Прощайте! Я ухожу, откуда пришел.

Он уже схватил было с комода свою шляпу, но Жервеза вскочила, крича:

– Нет, нет!

Она стала ласково унимать детей. Она целовала их волосы, она укладывала их, шепча им нежные слова. Дети сразу затихли, снова улеглись на одну подушку и принялись щипать друг друга, весело смеясь. Утомленный, бледный от бессонной ночи отец бросился на кровать, не сняв даже сапог. Он не уснул. Он лежал с широко раскрытыми глазами и оглядывал комнату.

– Нечего сказать, чистота! – прошептал он.

Потом посмотрел на Жервезу и злобно добавил:

– Ты, кажется, решила больше не умываться?

Жервезе было двадцать два года. Она была довольно высока и стройна, с тонкими чертами лица, уже потрепанного суровой жизнью. Нечесаная, в стоптанных башмаках, в грязной,

засаленной белой кофточке, посиневшая от холода, она, казалось, постарела на десять лет за эти несколько часов страшного, мучительного ожидания. Она все еще была пришиблена страхом. Слова Лантье вывели ее из оцепенения.

– Какой ты несправедливый, – заговорила она, приходя в себя. – Ты ведь прекрасно знаешь, я делаю все, что в моих силах. Я не виновата, что мы дошли до этого… Поглядела бы я на тебя, как бы ты справился с двумя детьми в комнате, где нет даже печки, воду не на чем согреть… Когда мы приехали в Париж, не надо было сразу проедать все деньги. Надо было сейчас же устроиться, как ты мне обещал!

– Скажите, пожалуйста! – закричал он. – Ты транжирила деньги вместе со мной. Нечего теперь жаловаться!

Но Жервеза, казалось, не слушала его; она продолжала:

– В конце концов, если храбро приняться за дело, мы еще можем выкарабкаться… Вчера вечером я говорила с госпожой Фоконье, прачкой с Рю-Нев. С понедельника она берет меня. Если у тебя выйдет что-нибудь с твоим другом из Гласьера, мы оправимся в полгода. Приоденемся, снимем какую-нибудь комнатушку, у нас будет свой угол… Надо работать, работать…

Лантье со скучающим видом повернулся к стене. Жервеза вспылила.

– Так оно и есть! Не очень-то ты любишь работать. Прямо лопаешься от важности. Ты хотел бы одеваться, как барин, и катать девок в шелковых юбках. Теперь, когда я заложила из-за тебя все мои платья, я стала недостаточно красива… Вот оно что!.. Огюст, я не хотела тебе об этом говорить, я бы еще, пожалуй, подождала, – но я знаю, где ты провел ночь. Я видела, как ты входил в «Большой Балкон» с этой шлюхой Аделью! Да, ты удачно выбрал! Она-то чистенькая! Она ведет себя, как принцесса, и имеет на это полное право!.. Весь ресторан спал с ней.

Лантье одним прыжком соскочил с кровати. Лицо его было бледно, глаза стали темными, как чернила. Этот маленький человечек быстро приходил в ярость и сразу переставал владеть собой.

– Да, да, весь ресторан! – повторяла Жервеза. – Скоро госпожа Бош выгонит ее, а вместе с ней и ее сестру, эту тощую клячу. Потому что на лестнице постоянно толкутся мужчины, целый хвост мужчин!

Лантье поднял было кулаки, но тут же подавил в себе желание избить Жервезу. Он схватил ее за руки, свирепо встряхнул и швырнул на детскую кровать. Дети снова громко заплакали. Тогда Лантье опять улегся и пробормотал со свирепым видом, словно принял вдруг какое-то решение, на которое до сих пор не мог отважиться.

– Ты, Жервеза, сама не знаешь, что ты сейчас наделала… Ты об этом пожалеешь. Вот увидишь.

Дети все еще плакали. Мать, нагнувшись над ними, обнимала обоих, тупо повторяя одни и те же слова:

– Бедняжечки мои, если бы только вас здесь не было!.. Ах, если бы вас не было! Если б вас здесь не было!..

Лантье спокойно лежал на кровати, не слушая причитаний Жервезы, и, уставившись на линялую занавеску, казалось, что-то угрюмо обдумывал. Так он провалялся около часа, борясь со сном, хотя веки его смыкались от усталости. Наконец он повернулся и оперся на локоть; на лице его была написана злобная решимость. Жервеза уже кончила уборку комнаты. Она подняла и одела детей, оправила их постель. Лантье смотрел, как она подметала пол, вытирала пыль с мебели. Но комната все-таки выглядела жалкой и мрачной. Потолок был закопчен; обои отставали от сырых стен; грязь на сломанных стульях и на комоде только размазывалась под тряпкой. Жервеза подвязала волосы перед привешенным к оконному шпингалету маленьким круглым зеркальцем, которым пользовался и Лантье, когда брился, и стала умываться. Лантье внимательно рассматривал ее голые руки, голую шею, все, что было обнажено, как бы сравнивая ее мысленно с кем-то. Он сделал брезгливую гримасу. Жервеза прихрамывала на правую

ногу, но это было заметно, только когда она особенно уставала и уже не в состоянии была следить за собой. Сегодня утром, после этой ужасной ночи, она волочила ногу и хваталась руками за стены.

В комнате царила полная тишина, никто не произносил ни слова. Лантье как будто выжидал. Жервеза, снедаемая мукой, старалась казаться равнодушной и торопилась. Когда она стала увязывать в узел грязное белье, засунутое в угол за сундук, он, наконец, открыл рот и спросил:

– Что это ты делаешь?.. Куда ты идешь?

Жервеза ничего не ответила. Но когда он злобно повторил вопрос, она резко и решительно сказала:

– Ты сам отлично знаешь… Я иду стирать. Нельзя же детям жить в грязи.

Он помолчал, пока она собирала платки, и вдруг спросил:

– А деньги у тебя есть?

Жервеза сразу выпрямилась и, не выпуская из рук грязных детских рубашек, посмотрела на него в упор.

– Деньги? Ты, может быть, хочешь, чтоб я воровала?.. Ты сам отлично знаешь, что позавчера я получила три франка за мою черную юбку. С тех пор мы два раза на это пообедали. Еда живо подбирает деньги… Разумеется, никаких денег у меня нет. У меня ровно четыре су на прачечную… Я не подрабатываю, как иные женщины.

Лантье не обратил внимания на намек. Он слез с кровати и стал рассматривать развешенное по комнате старье. Наконец он снял со стены штаны и шаль, отпер комод и вытащил две женских рубашки и кофточку. Все это он бросил Жервезе на руки.

– Пойди заложи.

– Может быть, ты хочешь, чтоб я и детей кстати заложила? – спросила она. – Вот было бы отлично, если бы детей принимали в залог! Сразу бы у нас руки развязались.

Но все-таки она пошла в ломбард. Она вернулась через полчаса, положила на камин пятифранковую монету и присоединила к пачке прежних новую нежно-розовую квитанцию.

– Вот все, что мне дали, – сказала она. – Я просила шесть франков, да не добилась. О, они-то не разорятся… И все-таки там всегда полно народа.

Лантье не сразу взял монету. Он хотел сначала послать Жервезу разменять пять франков, чтобы оставить что-нибудь и ей, но потом, заметив на комоде остатки ветчины в бумаге и кусок хлеба, опустил монету в жилетный карман.

– Я не пошла к молочнице, – продолжала Жервеза, – потому что мы должны ей уже за неделю. Но я скоро вернусь. Пока меня не будет, сходи за хлебом и котлетами к завтраку… Возьми еще литр вина.

Он ничего не ответил. Казалось, снова установился мир.

Молодая женщина продолжала увязывать грязное белье. Но когда она взялась за носки и рубашки Лантье, лежавшие в сундуке, он закричал, чтобы она их не трогала.

– Оставь мое белье, слышишь? Я не желаю!

– Чего это ты не желаешь? – спросила она, выпрямившись. – Не собираешься же ты в самом деле опять надеть эту грязищу? Надо выстирать.

Она тревожно вглядывалась в его красивое молодое лицо, выражавшее непреклонную жестокость, которую, казалось, ничто не могло смягчить. Лантье разозлился, вырвал у нее из рук белье и швырнул его в сундук.

– Черт возьми! Да будешь ты слушаться? Говорю тебе, я не желаю!

– Но почему? – спросила она, бледнея, охваченная смутным ужасным подозрением. – Тебе сейчас вовсе не нужны сорочки, ведь ты же никуда не уезжаешь… Не все ли тебе равно, если я заберу их?

Лантье с секунду молчал, смущенный ее пристальным, горящим взглядом.

– Почему… почему… – пробормотал он. – А ну тебя к черту! Ты будешь всюду рассказывать, что я у тебя на шее сижу, что ты стираешь на меня, чинишь. Так вот! Мне это надоело… К черту!.. Занимайся своими делами, а меня оставь в покое. Прачки на босяков не стирают.

Жервеза стала упрашивать его, оправдываясь, что она и не думала жаловаться, но Лантье грубо захлопнул сундук, уселся на него и с ненавистью крикнул:

– Нет! В конце концов, имею же я право распоряжаться своими вещами.

Потом, чтобы избежать ее взгляда, неотступно следившего за ним, он снова улегся на кровать, заявил, что ему хочется спать, и потребовал, чтобы она оставила его в покое. На этот раз он как будто и в самом деле заснул.

Жервеза стояла в нерешительности. Ей хотелось швырнуть узел с бельем, остаться дома, усесться за шитье. Но ровное дыхание Лантье в конце концов успокоило ее. Она взяла шарик синьки и кусок мыла, оставшиеся от последней стирки, и, подойдя к детям, которые спокойно играли под окном старыми пробками, наклонилась, поцеловала их и сказала вполголоса:

– Будьте умниками и не шумите. Папа спит.

Когда она выходила, все в комнате было тихо; только приглушенный смех Клода и Этьена раздавался под закопченным потолком. Было десять часов утра. Узкая солнечная полоска падала в комнату сквозь полуоткрытое окно.

Выйдя на бульвар, Жервеза повернула налево и пошла по Рю-Нев. Проходя мимо заведения г-жи Фоконье, она поклонилась ей. Прачечная находилась в средней части улицы, в том самом месте, где начинается подъем. На крыше низкого, плоского здания три огромных резервуара для воды, три цинковых цилиндра, закрепленных толстенными болтами, выделялись своими серыми округлыми контурами. Позади них, высоко-высоко, на уровне третьего этажа, возвышалась сушильня; сквозь ее ажурные стены из тонких горизонтальных планок, между которыми свободно гулял ветер, видно было белье, сушившееся на латунных проволоках. Справа от резервуаров мерно и тяжко пыхтела узкая труба паровой машины, выбрасывая клубы белого дыма. Войдя в дверь, загроможденную кувшинами с жидким жавелем, Жервеза, привыкшая к лужам, даже не подобрала юбок. Она уже знала хозяйку прачечной, маленькую, хрупкую женщину с больными глазами, сидевшую за своими конторскими книгами в застекленной комнатке. Около нее лежали на полках бруски мыла, шарики синьки в стеклянных банках, пакеты соды по полкило. Проходя мимо нее, Жервеза спросила свой валек и щетку, оставленные на сохранение с прошлой стирки. Потом, получив номерок, она вошла в прачечную.

Это был огромный сарай с широкими окнами. Выступавшие балки потолка поддерживались чугунными столбами. Сквозь горячие испарения, вздымавшиеся молочным туманом, еле проникал мутный свет. Изо всех углов поднимался пар и, расплываясь, обволакивал все голубоватой дымкой. С потолка капало. Тяжелая сырость была пропитана мыльным запахом, застоявшимся, противным, удушливым. По временам все заглушала густая вонь жавеля. Вдоль прачечной, по обе стороны среднего прохода, стояли вереницы женщин с голыми шеями, с голыми до плеч руками, в подоткнутых юбках, из-под которых были видны ноги в цветных чулках и грубых шнурованных ботинках. Грязные, грубые, нескладные, насквозь промокшие, с багрово-красной дымящейся кожей, они яростно колотили белье, громко хохотали, запрокидывая головы, стараясь перекричать мощный гул, и снова низко склонялись над лоханями. Вокруг них и под ними хлестали потоки воды, с маху опрокидывались ведра с горячей водой, холодная вода из кранов била сверху сильной струей, из-под вальков летели брызги, с отжимаемого белья лились каскады воды, под ногами хлюпали лужи, и целые ручьи текли по наклонному плиточному полу. И среди этого гвалта и мерного стука, среди бормочущего шороха ливня, среди ураганного гула, гудевшего под мокрым потолком, безостановочно и тяжко хрипела запотевшая белая паровая машина с судорожно трепещущим маховиком, который, казалось, управлял всем этим невообразимым шумом.

Жервеза, поглядывая по сторонам, подвигалась мелкими шажками по среднему проходу мимо снующих во все стороны, толкающихся женщин. Она несла узел с бельем, слегка перегнувшись и сильнее обычного припадая на больную ногу.

– Сюда, сюда, милая! – донесся до нее зычный голос г-жи Бош.

Когда Жервеза подошла, привратница, яростно оттиравшая носки, заговорила безостановочно, ни на секунду не бросая работы:

– Устраивайтесь тут. Я заняла вам место… Я долго стирать не буду. Бош почти совсем не пачкает белья… А вы? Кажется, вы тоже недолго провозитесь… У вас совсем маленький узелок. Мы отделаемся еще до полудня и пойдем завтракать… Раньше я отдавала белье прачке с улицы Пуле, но она мне все изгадила хлором и щетками. Теперь я стираю сама. Гораздо выгодней. Расход только на мыло… Послушайте, эти рубашонки надо сначала хорошенько вымочить. Экие пострелята эти ребятишки: право, у них зад словно сажей вымазан.

Жервеза уже развязала свой узел и выложила детские рубашки. Г-жа Бош посоветовала ей взять ведро щелока, но она ответила:

– Нет, нет. Довольно будет и горячей воды… Я знаю.

Она разобрала белье, отложила в сторону несколько штук цветного и влила в лохань четыре ведра холодной воды из-под крана. Потом, погрузив в воду все нецветное белье, она подобрала юбку, зажала ее между колен и вошла в похожую на ящик клетушку, доходившую ей до живота.

– Ба, да вы все отлично умеете! – проговорила г-жа Бош. – Вы, кажется, были на родине прачкой? Ведь так, моя милая?

Жервеза засучила рукава, обнажив красивые, молодые, белые, чуть розоватые на локтях руки, и принялась за стирку. Она положила рубашку на узкую, изъеденную, побелевшую от воды доску, намылила, перевернула и намылила с другой стороны. Затем, все еще не отвечая, она взяла валек и стала размеренно и сильно бить. Только тут она заговорила, выкрикивая отрывистые фразы в такт ударам:

– Да, да, прачкой… С десяти лет… С тех пор двенадцать лет прошло… Мы ходили на реку… Там пахло получше, чем здесь. Посмотрели бы вы… какой там чудесный уголок… под деревьями… вода чистая, прозрачная… Это было в Плассане… Вы не знаете Плассана?.. Около Марселя…

– Вот это да! – восторженно закричала г-жа Бош, восхищенная силой ударов. – Ай да баба! Да вы железо расплющите своими барскими ручками!

Они продолжали разговаривать, стараясь перекричать шум. Время от времени привратница наклонялась к Жервезе, чтобы расслышать ее. Наконец белье было отбито, и отбито здорово! Жервеза снова погрузила его в лохань и стала вынимать штуку за штукой, чтобы намылить еще раз и затем оттереть щеткой. Придерживая белье на доске одной рукой, она терла по нему короткой, жесткой щеткой, соскребая грязную пену, падавшую клочьями. Под этот глухой скрежет обе женщины, наклонившись друг к дружке, стали разговаривать тише, – разговор принял более интимный характер.

– Нет, мы не женаты, – говорила Жервеза. – Я этого и не скрываю. Лантье вовсе не так уж хорош, чтоб я мечтала выйти за него замуж. Эх, если б не было детей! Когда родился старший, мне было четырнадцать лет, а Лантье – восемнадцать. А через четыре года появился второй. Вот так оно и случилось, как это всегда случается, сами знаете. Мне плохо жилось дома. Старик Маккар бил меня походя, вечно пинал ногами. Ну, вот меня и тянуло из дома, поразвлечься как-нибудь… Мы могли бы пожениться, да как-то уж так вышло… наши родители были против.

Она стряхнула с покрасневших рук белую пену.

– В Париже жесткая вода, – сказала она.

Г-жа Бош стирала вяло. Она останавливалась, чтобы хорошенько вникнуть в эту историю, занимавшую ее любопытство вот уже две недели, а тем временем у нее в лохани опадала пена. Она слушала с полуоткрытым ртом, ее толстое лицо было напряжено, глаза навыкате сверкали. Крайне довольная своей догадливостью, она думала: «Так, так! Ясно. Что-то чересчур она разболталась: видно, они разругались».

И она громко спросила:

– Значит, он не очень-то покладистый?

– Ах, и не говорите! – отвечала Жервеза. – Там, на родине, он был очень хорош со мной; но с тех пор, как мы переехали в Париж, я никак не могу свести концы с концами. У него, видите ли, в прошлом году умерла мать. Она оставила ему что-то около тысячи семисот франков. Он решил переехать в Париж. Ну, а так как папаша Маккар лупил меня нещадно, я и решила уехать с Лантье. Мы взяли с собой обоих детей. Он хотел устроить меня в прачечной, а сам собирался работать шапочником. Мы могли быть очень счастливы… Но, видите ли, Лантье слишком много о себе воображает, к тому же он мот: думает только о своем удовольствии. В конце концов, он не многого стоит… Сначала мы остановились в отеле «Монмартр», на улице Монмартр. Ну и пошли обеды, извозчики, театры, ему – часы, мне – шелковое платье… Когда есть деньги, он очень добрый. И вот в два месяца мы растрясли решительно все. Тогда-то мы и поселились в этих номерах, и началась эта проклятая жизнь…

Жервеза запнулась, слезы снова сдавили ей горло. Она уже кончила отстирывать белье.

– Надо сходить за горячей водой, – прошептала она.

Но г-жа Бош, очень недовольная тем, что столь откровенный разговор может прерваться, подозвала проходившего мимо служителя:

– Шарль, милейший, будьте добры, сходите за горячей водой для госпожи Лантье. Она очень торопится.

Шарль взял ведро и скоро вернулся с водой. Жервеза заплатила ему, – ведро стоило одно су, – и, вылив горячую воду в лохань, стала намыливать белье в последний раз без щетки, руками, низко нагнувшись над скамьей, вся окутанная паром, который легкими серыми струйками пробегал по ее светлым волосам.

– Надо положить соды; вот, возьмите у меня, – любезно предложила привратница.

И она высыпала в лохань Жервезы остатки соды из своего пакета. Потом она предложила ей жавеля, но Жервеза отказалась, сказав, что жавель хорош только для сальных или винных пятен.

– Я думаю, он не прочь приволокнуться, – продолжала г-жа Бош, имея в виду Лантье, но не упоминая его имени.

Жервеза стояла согнувшись, погрузив руки в белье. Она только кивнула головой.

– Да, да, – продолжала г-жа Бош, – я и сама не раз замечала это за ним… – Но она тут же спохватилась, так как Жервеза внезапно подняла голову и, выпрямившись, вся бледная, так и впилась в нее глазами.

– Нет, нет! Я ничего не знаю! – закричала г-жа Бош. – Разве что он любит посмеяться, вот и все!.. Ну и эти две девчонки, что живут у нас: Адель и Виржини – вы ведь знаете их? – так вот, он не прочь пошутить с ними. Ну и что же из этого? Дальше шуток дело не идет, в этом я уверена.

Жервеза стояла перед ней с потным лицом, с мокрыми руками и глядела на нее пристальным, упорным взглядом. Тут привратница в сердцах стала бить себя кулаком в грудь и божиться.

– Да говорят вам, я ничего не знаю! – кричала она.

Потом, успокоившись, она прибавила сладеньким голосом, каким говорят, чтобы скрыть от человека тяжелую истину:

– По-моему, у него очень честные глаза… Он женится на вас, уж поверьте, моя милая!

Жервеза вытерла лоб мокрой рукой. Потом она тряхнула головой и вытащила из воды белье. Обе несколько минут молчали. Прачечная затихла. Пробило одиннадцать часов. Большинство прачек принялись закусывать. Они ели хлеб с колбасой, присев на краешек лоханок и поставив в ногах откупоренные бутылки с вином. Только хозяйки, пришедшие с маленькими узелками, торопились достирать свое белье и все время поглядывали на часы, висевшие над конторской будкой. Редкие удары вальков раздавались среди тихих смешков, разговоров и жадного чавканья жующих челюстей, между тем как паровая машина, трудившаяся без передышки, казалось, повысила голос, наполнив огромный сарай своим судорожным хриплым гулом. Но женщины не слышали ее. Этот гул был как бы обычным дыханием прачечной, знойным дыханием, от которого под балками потолка скапливались непрестанно колыхавшиеся клубы пара. Жара становилась невыносимой. Солнечные лучи, падавшие слева, сквозь высокие окна, расцвечивали стелющийся, клубящийся пар в нежные опаловые, серовато-розовые и голубовато-серые тона. И так как все кругом стали жаловаться на жару, то Шарль, переходя от окна к окну, задернул на солнечной стороне плотные шторы; потом он перешел на теневую сторону и открыл форточки. Его восторженно приветствовали, ему аплодировали; волна веселости прокатилась по прачечной. Между тем замолкли и последние вальки. Теперь прачки уже не говорили, а только жестикулировали ножами, зажатыми в кулаки: рты их были набиты едой. Стало так тихо, что ясно слышен был размеренный скрежет лопаты истопника, подбиравшего с пола каменный уголь и швырявшего его в топку машины.

Жервеза стирала цветное белье в горячей мыльной воде. Кончив, она придвинула козелки и перекинула через них белье, с которого сейчас же натекли на пол голубоватые лужи. Тогда она взялась за полоскание. Позади нее, под холодным краном, стоял привинченный к полу пустой бак с двумя деревянными перекладинами для поддержки белья. Над баком были устроены еще две перекладины, на которые белье вешалось, чтобы с него стекала вода.

– Ну, вот я и кончаю. Это неплохо, – сказала г-жа Бош. – Я останусь и помогу вам все выжать.

– О, спасибо, не стоит: мне вовсе не трудно, – ответила Жервеза, уминая кулаками и прополаскивая в чистой воде цветное белье. – Вот если бы у меня были простыни, тогда другое дело.

Но ей все-таки пришлось воспользоваться помощью привратницы. Они вдвоем, с двух концов, выжимали коричневую шерстяную юбчонку, с которой стекала желтая вода, – как вдруг г-жа Бош воскликнула:

– Смотрите-ка, долговязая Виржини!.. Что ей здесь надо? Неужели она пришла стирать эти лоскуточки, завязанные в носовом платке?

Жервеза резким движением подняла голову. Виржини, темноволосая девушка одного с нею возраста, но значительно выше ее, была очень недурна собой, несмотря на несколько вытянутое, длинное лицо. Одета она была в старое черное платье с воланами, на шее у нее была красная ленточка; волосы тщательно уложены узлом и подхвачены синей шелковой сеткой. Остановившись в среднем проходе, она, прищурившись, глядела по сторонам, как бы отыскивая кого-то; заметив Жервезу, она выпрямилась, направилась в ее сторону, спокойно прошла мимо, нахально покачивая бедрами, и устроилась в том же ряду, через пять лоханей.

– Что за причуда такая, – тихо продолжала г-жа Бош. – Никогда она ничего не стирает! Вот уж бездельница, поверьте мне! Портниха, которая даже своих вещей починить не может! Точь-в-точь такая же, как ее сестра, эта негодяйка Адель, полировщица! Та ходит в мастерскую через два дня на третий! Никто не знает, кто их отец и мать, никто не знает, чем они живут! Да, если бы порассказать… Что это она там трет? Черт! Да это юбка! Боже, какая отвратительная грязь! Да, юбка эта видала виды!

Г-жа Бош, очевидно, хотела доставить Жервезе удовольствие. А по правде говоря, она частенько пила у Виржини и Адели кофе, особенно когда у них бывали деньги. Жервеза ничего

не отвечала; она торопилась, руки ее тряслись, как в лихорадке. Разведя синьку в маленькой шайке на трех ножках, она стала погружать в нее белье штуку за штукой. Прополоскав белье в подсиненной воде, она сейчас же вынимала его, слегка отжимала и развешивала на деревянных перекладинах. Работая, Жервеза нарочно все поворачивалась к Виржини спиною. Но она слышала ее вызывающие смешки и чувствовала на себе ее косые взгляды. Казалось, Виржини только затем и пришла, чтобы позлить ее. Когда Жервеза на секунду обернулась, они пристально поглядели друг другу в глаза.

– Оставьте ее, – прошептала г-жа Бош. – Ведь не собираетесь же вы вцепиться друг другу в волосы!.. Я вам говорю, ничего решительно не было! И потом, ведь это не она!

Жервеза повесила последнюю рубашку. В эту минуту у дверей послышался смех.

– Тут двое парнишек спрашивают мамашу! – крикнул Шарль.

Все женщины обернулись. Жервеза узнала Клода и Этьена. Разглядев мать, они побежали к ней, шлепая по лужам, в своих расшнуровавшихся ботинках. Каблучки звонко щелкали по плитам. Клод как старший держал брата за руку. Видя, что они немного испуганы, хотя и стараются улыбаться, прачки подбодряли их ласковыми словами. Подбежав к матери, дети остановились и, все еще держась за руки, подняли белокурые головки.

– Вас прислал папа? – спросила Жервеза.

Но, наклонившись, чтобы завязать Этьену шнурки, она заметила, что у Клода болтается на пальце ключ от комнаты с медным номерком.

– Господи! Ты принес мне ключ? – сказала она с удивлением. – Зачем это?

Ребенок, увидав на своем пальце ключ, о котором он успел забыть, сразу, казалось, вспомнил, в чем дело, и звонко закричал:

– Папа уехал!

– Он пошел купить что-нибудь к завтраку и послал вас за мной?

Клод поглядывал на брата и колебался, не зная, что сказать. И вдруг выпалил одним духом:

– Папа уехал… Он соскочил с кровати, он сложил все вещи в сундук, и он отнес сундук в фиакр… Он уехал.

Жервеза побледнела и медленно поднялась, сжимая руками щеки и виски, как будто чувствовала, что у нее вот-вот треснет голова. Она не находила слов и тупо бормотала:

– Ах, боже мой!.. Ах, боже мой!.. Ах, боже мой!..

А тем временем г-жа Бош в полном восторге от того, что она оказалась участницей такой истории, выспрашивала малыша:

– Послушай, детка, ты расскажи все по порядку. Папа запер дверь и велел тебе отнести сюда ключ, ведь так? – Тут она понизила голос и уже на ухо спросила у Клода: – А в фиакре была дама?

Ребенок опять замялся, а потом снова, с торжествующим видом, повторил свой рассказ:

– Он соскочил с кровати. Он сложил все вещи в сундук и уехал.

Как только г-жа Бош оставила его в покое, он потащил брата к крану. Оба с увлечением стали пускать воду.

Жервеза не могла плакать, она задыхалась. Закрыв лицо руками, она молча стояла, прислонившись к лохани. Короткая дрожь сотрясала ее. Время от времени она глубоко вздыхала, еще крепче прижимая кулаки к глазам, как бы стараясь обратиться в ничто, исчезнуть перед ужасом своего одиночества. Ей казалось, что она падает в мрачную пропасть.

– Ну, бросьте, милая, полно, – шептала г-жа Бош.

– Если бы вы знали! Если бы знали! – сказала, наконец, Жервеза еле слышно. – Он послал меня утром в ломбард заложить мою шаль и рубашки, чтобы заплатить за этот фиакр…

И она заплакала. Вспомнив о ломбарде, она только теперь поняла истинный смысл утренней сцены и разразилась рыданиями. Так вот зачем он послал ее в ломбард!.. Эта гнусная

уловка Лантье наполнила ее душу нестерпимой горечью и терзала больше всего. Слезы, которые уже давно душили ее, вдруг обильно потекли по лицу; она смахивала их мокрыми руками, ей даже не приходило в голову вынуть платок.

– Да образумьтесь же вы, придите в себя, на вас смотрят, – повторяла г-жа Бош, суетясь около нее. – Стоит ли так убиваться из-за мужчины! Значит, вы все еще любите его, бедняжечка вы моя? А ведь вот только что вы так возмущались им! И вот вы плачете, раздираете себе из-за него сердце… Господи, какие мы глупые! – Потом она начала проявлять материнские чувства: – И такая хорошенькая женщина, как вы! Да разве можно?.. Я думаю, теперь уже надо рассказать вам все, верно? Ну, вот! Когда я подошла к вашему окошку, я уже подозревала… Вы только представьте себе: сегодня ночью, когда Адель возвращалась домой, я услышала, кроме ее шагов, еще какие-то мужские. Я, конечно, выглянула на лестницу, чтобы узнать, кто это. Чужой мужчина был уже на третьем этаже, но я сразу узнала сюртук господина Лантье. Бош сторожил утром лестницу и видел, как он совершенно спокойно уходил… Он спал с Аделью, понимаете? У Виржини уже есть любовник: она ходит к нему два раза в неделю. Но ведь это в конце концов просто нечистоплотно! У них одна комната и одна постель, и я, право, не понимаю, где могла спать Виржини.

Она на минуту остановилась, оглянулась и снова заговорила своим грубым, глухим голосом:

– Вы плачете, а эта злюка смеется там над вами. Головой ручаюсь, что ее стирка только для отвода глаз… Она устроила ту парочку и пришла сюда, чтобы рассказать им, что с вами было, когда вы узнали…

Жервеза отняла руки от лица и посмотрела. Виржини стояла с тремя или четырьмя женщинами и, пристально глядя на нее, тихо рассказывала им что-то. Неистовая ярость охватила Жервезу. Вытянув руки, она принялась шарить по полу, топчась на месте и дрожа всем телом; потом сделала шаг, другой, натолкнулась на полное ведро, схватила его обеими руками и выплеснула со всего маху.

– Ах, стерва! – закричала долговязая Виржини.

Она отскочила назад: вода попала ей только на ноги. Прачки, взволнованные слезами Жервезы, уже толпились кругом: им не терпелось посмотреть на драку. Те, которые только что сидели и жевали, взобрались на лохани, другие сбегались, размахивая мыльными руками. Образовался круг.

– Ах, стерва! – повторяла Виржини. – Да она взбесилась!

Жервеза стояла с искаженным лицом, выдвинув вперед подбородок, и ничего не отвечала. Она еще не владела искусством парижской брани. А Виржини продолжала орать:

– Вот дрянь-то! Ей надоело таскаться по провинции! Она там с двенадцати лет путалась с каждым солдатом! Подстилка солдатская! Она и ногу там потеряла!.. Смотрите, у нее нога совсем отгнила!..

Раздался смех. Ободренная успехом, Виржини подошла на два шага, выпрямилась и заорала еще громче:

– Ну, подходи, что ли! Посмотришь, как я тебя отделаю! Смотри, лучше не надоедай нам! Шкура! Я ее хорошо знаю. Пусть она только тронет меня, я ей задам! Пусть она скажет, что я ей сделала… Говори, рожа, что я тебе сделала?

– Не разговаривайте много, – бормотала Жервеза. – Вы отлично знаете… Моего мужа видели вчера вечером… Замолчите, иначе я вас сейчас задушу.

– Ее мужа! Да она смеется, что ли? Муж!.. Как будто у таких бывают мужья! Я не виновата, что он тебя бросил. Может быть, я украла его у тебя? Пусть меня обыщут!.. Если хочешь знать, ты ему отравляла жизнь! Он был слишком хорош для тебя!.. Да был ли у него ошейник по крайней мере? Кто разыщет мужа этой дамы? Будет выдано вознаграждение…

Смех возобновился. Жервеза тихо, почти шепотом повторяла одни и те же слова:

– Вы отлично знаете, отлично знаете… Это ваша сестра. Я задушу вашу сестру…

– Ну, что ж, поди сцепись с моей сестрой, – отвечала, издеваясь, Виржини. – Ах, так это моя сестра? Что ж, может статься! Моя сестра немножко почище тебя!.. Да какое мне до всего этого дело? Что мне, нельзя и постирать спокойно? Оставь меня в покое! Слышишь, ты? Довольно!

Она отошла, но, сделав пять или шесть ударов вальком, вернулась опять, разгоряченная, опьяненная собственной бранью. Она то умолкала, то снова принималась ругаться.

– Ну да! Это моя сестра. Что ж, довольна ты?.. Они обожают друг друга. Посмотреть только, как они воркуют!.. Он бросил тебя с твоими ублюдками! Нечего сказать, ангелочки. У них все рожи в струпьях! Один из них от жандарма – ведь так? – а трех других ты уморила для легкости, чтобы не тащить с собой в дорогу!.. Это нам твой Лантье говорил! Да, хорошенькие вещи он нам рассказывал! Сколько он вытерпел с тобой, шкура!

– Шлюха! Шлюха! Шлюха! – заорала Жервеза, вся дрожа от бешенства.

Она повернулась, опять пошарила по полу и, найдя только маленькую шайку с синькой, схватила ее и выплеснула Виржини в лицо.

– Ах, мерзавка! Она изгадила мне платье! – закричала Виржини, у которой плечо и левый рукав сразу стали синими. – Ну, погоди, сволочь ты этакая!

Она, в свою очередь, схватила ведро и выплеснула его на Жервезу. Началось настоящее сражение. Обе женщины бегали вдоль ряда лоханей, хватали полные ведра, возвращались и опрокидывали их друг другу на голову. Каждое ведро сопровождалось взрывом ругательств. Теперь уже и Жервеза отвечала:

– На, получи, паскуда!.. Остуди себе зад!

– А, стерва!.. Вот тебе! Умойся хоть раз в жизни!

– Я тебе отмочу грязь, рвань панельная!

– На, на, вот еще!.. Выполощи себе пасть и принарядись для ночного дежурства на углу улицы Бельом!

Дошло до того, что они стали наливать ведра из-под кранов. Пока ведра наполнялись, они наперерыв осыпали друг друга площадной бранью. Первые ведра были выплеснуты неудачно: они только слегка обрызгали друг дружку. Но постепенно обе набили себе руку. Виржини первая получила прямо в физиономию: вода хлынула ей за шиворот, потекла по спине, по груди и вытекла из-под юбки. Не успела еще она прийти в себя, как слева, из другого ведра, поток воды ударил ее по левому уху и промочил шиньон, который раскрутился и повис. Жервеза пока что получала только по ногам: одно ведро попало в башмаки и промочило платье до колен, два следующих промочили ее до пояса. Впрочем, скоро стало уже невозможно оценивать удары. Обе противницы промокли с ног до головы, лифы прилипли у них к плечам, юбки приклеились к бедрам. Сразу похудевшие, посиневшие, они дрожали с головы до ног; вода текла с них ручьями, как с зонтов в проливной дождь.

– Есть на что поглядеть! – сказала сиплым голосом одна из прачек.

Прачечная наслаждалась. Стоявшие впереди то и дело пятились назад, чтобы их не окатило водой. Среди шума выплескиваемых с размаху ведер, похожего на шум спущенной плотины, раздавались аплодисменты, сыпались шуточки. По полу текли целые потоки, обе женщины шлепали по щиколотки в воде. Но Виржини пустилась на предательство. Она вдруг схватила ведро с кипящим щелоком, приготовленным одной из соседок, и плеснула им в Жервезу. Раздался крик. Все думали, что Жервеза обварилась, но щелок только слегка обжег ей левую ногу. Обезумев от боли, она изо всех сил швырнула пустое ведро под ноги Виржини. Та упала.

Все прачки заголосили разом:

– Она сломала ей ногу!

– А как же! Ведь та хотела ошпарить ее!

– В конце концов, белокурая права. Ведь у нее отняли любовника!

Г-жа Бош, вздымая руки к небу, испускала горестные вопли. Она благоразумно укрылась между двумя лоханями. Испуганные, задыхавшиеся от слез Клод и Этьен держались за ее юбки и дрожащими плачущими голосами тянули:

– Мама! Ма-а-ма!..

Когда Виржини упала, г-жа Бош подбежала к Жервезе и стала дергать ее за платье, повторяя:

– Господи, да уйдите же! Опомнитесь… У меня просто сердце кровью обливается! Ведь это сущее смертоубийство!

Но она тотчас же ретировалась и снова спряталась с детьми между лоханями. Виржини вскочила и бросилась на Жервезу. Она схватила ее за горло и стала душить. Но Жервеза, изогнувшись всем телом, вывернулась, вцепилась ей в шиньон и повисла на нем всей тяжестью, словно намереваясь оторвать ей голову. Драка возобновилась, – на этот раз молчаливая, без криков, без ругательств. Они сходились не грудь с грудью, а царапались, растопырив скрюченные пальцы, стараясь угодить друг дружке в лицо, ущипнуть, разорвать, расцарапать. Красная лента и синяя шелковая сетка были сорваны с брюнетки, лиф у нее лопнул у ворота, обнажилась шея и плечо; у блондинки белая кофточка висела лохмотьями, один рукав исчез неведомо куда, и из разодранной рубашки проступало голое тело. Клочья одежды летали в воздухе. У Жервезы первой показалась кровь: три длинных царапины шли от рта к подбородку. Боясь окриветь, она защищала глаза и прикрывала их при каждом ударе. Виржини еще не была окровавлена. Жервеза метила ей в уши и бесилась, что не могла достать их. Наконец она ухватила сережку, маленькую грушу из желтого стекла, дернула и разорвала мочку уха. Брызнула кровь.

– Они убьют друг друга! Разнимите этих безобразниц! – раздалось несколько голосов.

Прачки придвинулись ближе. Образовалось две партии: одни науськивали противниц, как дерущихся собак; другие, более чувствительные, отворачивались, дрожа, кричали, что с них довольно, что им дурно делается. Началась перебранка; свалка грозила сделаться общей: уже протягивались голые руки, раздалось две-три оплеухи.

Между тем г-жа Бош разыскивала Шарля, служителя при прачечной.

– Шарль! Шарль!.. Да где же он?

Наконец она разыскала его. Шарль стоял в первом ряду и, скрестив руки, любовался дракой. Это был здоровенный малый с бычьей шеей. Он смеялся, он наслаждался зрелищем обнаженного женского тела. Блондинка была жирненькая, как перепелочка. Вот уморительно было бы, если бы у нее совсем лопнула рубашка!

– Ишь ты, – прищуриваясь, шептал Шарль, – у нее родинка под мышкой!..

– Как! Вы здесь? – закричала, завидев его, г-жа Бош. – Да помогите же нам разнять их!.. Ведь вы отлично можете справиться с ними!

– Ну, нет, спасибо. Только не я, – хладнокровно отвечал Шарль. – Мне и так прошлый раз чуть глаз не выцарапали… Я здесь не для того поставлен; у меня и своей работы довольно… И потом, чего вы так боитесь? Им только полезно маленькое кровопускание. Они станут нежнее от этого.

Тогда привратница заявила, что пойдет за полицией. Но хозяйка прачечной, хрупкая женщина с больными глазами, решительно воспротивилась.

– Нет, нет, я не хочу. Это осрамит мое заведение, – повторяла она.

Борьба продолжалась на полу. Вдруг Виржини поднялась на колени. Она подхватила лежавший на полу валек, взмахнула им и хриплым, изменившимся голосом закричала:

– А ну, подставляй свое грязное белье!

Жервеза быстро протянула руку, в свою очередь, схватила валек и подняла его, как дубинку. Она тоже прохрипела:

– А! Ты захотела хорошей взбучки?.. Подставляй кожу, я накрою из тебя ремней!

Несколько секунд они стояли так на коленях, угрожая друг другу. Растрепанные, грязные, распухшие, бурно дышащие, они настороженно выжидали, переводя дыхание. Первый удар нанесла Жервеза: ее валек скользнул по плечу Виржини. Она сейчас же рванулась в сторону, чтобы избежать ответного удара, который только слегка задел ее по бедру. Постепенно войдя в раж, они стали свирепо и ритмично колотить друг друга, как прачки колотят белье. Глухие звуки ударов были похожи на шлепанье рукой по воде.

Прачки вокруг них больше уже не смеялись. Многие отошли, говоря, что их тошнит от этого зрелища. Оставшиеся толпились, вытягивая шеи, в глазах у них загорелся жестокий огонек.

Г-жа Бош увела Клода и Этьена; их плач, доносившийся с другого конца прачечной, смешивался с глухими ударами вальков.

Вдруг Жервеза вскрикнула. Виржини со всего размаху ударила ее по обнаженной руке, выше локтя. Выступило красное пятно, кожа мгновенно вздулась. Жервеза в бешенстве ринулась на противницу. Казалось, она сейчас убьет ее.

– Довольно! Довольно! – закричали кругом.

Но лицо Жервезы было так страшно, что никто не решился подойти, С удесятеренной силой схватила она Виржини поперек туловища, согнула ее, прижала лицом к полу. Несмотря на то, что Виржини брыкалась, она задрала ей юбки на голову. Под юбками оказались панталоны. Жервеза засунула руку в разрез, рванула и обнажила ноги и ягодицы. Потом, схватив валек, она начала бить, как, бывало, била когда-то солдатское белье на берегу Вьорны, в Плассане. Валек с мягким звуком врезался в тело. С каждым ударом на белой коже выступала красная полоса.

– Ой! Ой! – шептал изумленный и восхищенный Шарль; зрачки его расширились.

Снова пробежал смех. Но скоро возобновились крики:

– Довольно! Довольно!

Жервеза не обращала на это внимания и продолжала бить. Она наклонялась и рассматривала свою работу, стараясь не оставить ни одного живого места. Ей хотелось исполосовать, изукрасить Виржини всю кожу. И в порыве злобной радости, вспомнив песенку прачек, она приговаривала в такт:

Хлоп, хлоп! Марго на стирке…
Хлоп, хлоп! Бей вальком…
Хлоп, хлоп! Выбели сердце…
Хлоп, хлоп! Черно от мук…

И продолжала: – Это тебе, это твоей сестре, это Лантье… Передай им, когда вернешься… Запомни хорошенько. Я начинаю сначала! Это Лантье, это твоей сестре, а это тебе…

Хлоп, хлоп! Марго на стирке…
Хлоп, хлоп! Бей вальком…

Пришлось оторвать ее от Виржини силой. Брюнетка, вся в слезах, красная, пристыженная, подхватила свое белье и скрылась. Она была побеждена. Между тем Жервеза кое-как оправила кофту и юбку. Рука у нее болела. Она попросила г-жу Бош помочь ей взвалить белье на плечи. Привратница без умолку болтала о драке, описывая свои ощущения, предлагала осмотреть Жервезу, – все ли в порядке:

– Весьма возможно, что она сломала вам что-нибудь… Я слышала какой-то хруст…

Но Жервеза хотела поскорее уйти домой. Она не отвечала ни на жалостливое сочувствие, ни на шумные приветствия окружавших ее прачек. Как только белье было взвалено на плечи, она пошла к дверям, где ее ждали дети.

– С вас два су. За два часа, – сказала, останавливая ее, хозяйка прачечной, уже вернувшаяся в свою застекленную комнатку.

Какие два су? Жервеза не понимала, что с нее требуют плату за стирку. Потом она отдала два су и ушла, сильно хромая под тяжестью мокрого белья. Подбородок ее был окровавлен, над локтем налился синяк, с нее текло; она держала обнаженными руками ручонки Клода и Этьена, все еще вздрагивавших и всхлипывавших на ходу.

За ее спиной прачечная снова зашумела, как спущенная плотина. Прачки уже съели хлеб и выпили вино. Возбужденные дракой Жервезы и Виржини, они еще сильней колотили белье, их лица пылали. Снова у лоханей бешено задвигались руки, и угловатые силуэты женщин, похожие на марионеток, с надломленными спинами, с вывернутыми плечами резко выпрямлялись и сгибались, как на шарнирах. Снова пошли оживленные разговоры с одного конца прохода на другой. Выкрики, смешки, голоса, непристойные словечки смешивались с гулким хлюпаньем воды. Шумно плевались краны, опрокидывались ведра, и реки воды текли под скамьями. Это была кипучая послеобеденная работа, – вальки так и молотили белье. Пар в огромной комнате порыжел, пронизанный пятнами солнечного света, – золотыми кружочками, проникавшими сквозь прорванные занавеси. Воздух был пропитан теплым душным запахом мыльных испарений. Потом вдруг все сразу наполнилось белым клубящемся паром. Огромная крышка чана, в котором кипел щелок, автоматически поднялась на зубчатом центральном стержне, и зияющая медная глотка извергла из своих кирпичных глубин крутящиеся вихри пара, сладко пахнувшего поташом. А в стороне безостановочно работали сушилки. Белье, сложенное в чугунных цилиндрах, отжималось вращением колеса пыхтящей, окутанной клубами пара машины, сотрясавшей всю прачечную непрерывной работой своих стальных рук.

Войдя в подворотню гостиницы «Гостеприимство», Жервеза заплакала. Это была темная, узкая подворотня с проложенной вдоль стены канавкой для стока грязной воды. Зловоние, ударившее Жервезе в нос, заставило ее вспомнить две недели, проведенные здесь с Лантье, две недели тяжких лишений и ссор. Воспоминание о них вызывало в ней в эту минуту горькое сожаление. Ей казалось, что теперь она осталась одна в целом мире.

Опустевшая комната была полна солнца, врывавшегося в открытое окно. Солнечный поток, этот столб пляшущей золотой пыли, придавал еще более жалкий вид почерневшему потолку и стенам с отставшими обоями. На гвозде у камина висела одна только женская косыночка, скрученная как веревка. Детская кровать, заслонявшая раньше комод, была вытащена на середину комнаты. Комод стоял с выдвинутыми пустыми ящиками.

Лантье перед уходом мылся. Он извел всю помаду, которая была завернута в игральную карту. На два су помады! Таз был полон грязной мыльной воды. Лантье ничего не оставил, ничего не забыл. Угол, в котором стоял раньше сундук, казался Жервезе какой-то огромной дырой. Она не нашла даже круглого зеркальца, висевшего на оконном шпингалете. Вдруг ее охватило тревожное предчувствие, и она посмотрела на камин. Между двумя непарными цинковыми подсвечниками уже не было нежно-розовой пачки: Лантье унес и ломбардные квитанции.

Жервеза развесила белье на спинках стульев и остановилась, тупо оглядываясь по сторонам. На нее нашло такое оцепенение, что она даже не плакала. Из четырех су, припасенных для прачечной, у нее осталось только одно… Потом, услышав смех Клода и Этьена, она подошла к ним и охватила руками их головки. На минуту она забылась, глядя на серую мостовую, где утром она видела поток рабочего люда, пробуждение гигантской работы Парижа. А сейчас эта мостовая накалилась, и от нее поднимался над городом огненный отблеск, расплывавшийся за городской стеной. И вот на эту-то мостовую, в эту пылающую печь выброшена она, – одна,

с двумя малютками. Она обвела взглядом бульвары, убегавшие направо и налево, пристально вгляделась сначала в один конец, потом в другой, и ее охватил глухой ужас, словно отныне вся жизнь ее должна была сосредоточиться здесь – между бойней и больницей.

II

Три недели спустя, в прекрасный солнечный день, в половине двенадцатого, Жервеза и кровельщик Купо пили сливянку в «Западне» дяди Коломба. Купо, куривший на улице папиросу, почти насильно затащил сюда Жервезу, когда она возвращалась домой, отнеся белье по адресу. Большая четырехугольная бельевая корзина стояла около нее на полу, позади маленького цинкового столика.

«Западня» дяди Коломба помещалась на углу улицы Пуассонье и бульвара Рошешуар. На вывеске, вдоль всего кабачка, было написано большими синими буквами только одно слово: «Перегонка». У двери в распиленных пополам бочонках стояли два пыльных олеандра. Вдоль стены, налево от входа, тянулась огромная стойка, уставленная рядами стаканов, бочонками и оловянными мерками. По стенам обширной залы выстроились огромные ярко-желтые лакированные бочки с медными сверкающими кранами и обручами. Наверху стены были покрыты полками, на которых в образцовом порядке стояли разноцветные бутылки с ликерами и стеклянные банки с фруктовыми сиропами. Они отражались в зеркале за стойкой блестящими зеленоватыми и нежно-золотистыми пятнами. Но главная достопримечательность заведения находилась в глубине кабачка, за дубовой перегородкой, в застекленном внутреннем дворике.

Там был перегонный куб, действовавший на глазах у посетителей. Длинные, извилистые шеи его змеевиков уходили под землю. Любуясь этой дьявольской кухней, пьяные рабочие предавались сладостным мечтам.

Сейчас, в обеденное время, «Западня» была пуста. Сам дядя Коломб, грузный сорокалетний мужчина в жилете, отпускал девочке лет десяти-двенадцати на четыре су сиропа в чашку. Сноп света, врывавшийся в дверь, освещал заплеванный пол. От стойки, от бочек, от всего помещения поднимался винный запах, – спиртные пары, казалось, отяжеляли и опьяняли все вплоть до пылинок, порхавших в солнечных лучах.

Купо скрутил новую папироску. Очень опрятно одетый, в короткой блузе и синей холщовой шапочке, он смеялся и скалил белые зубы. У него были красивые карие глаза и веселое, добродушное лицо, очень приятное, несмотря на выдвинутую нижнюю челюсть и слегка приплюснутый нос; густые курчавые волосы стояли торчком, кожа у него была нежная. Ему было всего двадцать шесть лет. Жервеза, без шляпы, в черной полушелковой кофточке, сидела напротив него. Она доедала сливу, держа ее за черенок кончиками пальцев. Парочка сидела у самого окна, за первым из четырех столиков, расставленных в ряд вдоль бочек, против стойки.

Закурив папироску, кровельщик оперся локтями о столик, наклонился и молча поглядел на молодую женщину. Хорошенькое личико блондинки светилось сегодня молочной прозрачностью тонкого фарфора. Потом, намекая на какое-то дело, известное только им двоим и уже обсуждавшееся, Купо тихо спросил:

– Так, стало быть, нет? Вы говорите – нет?

– Ну, конечно, нет, господин Купо, – спокойно улыбаясь, ответила Жервеза. – Пожалуйста, не говорите об этом. Ведь вы обещали быть благоразумным… Если бы я знала, что вы опять начнете, я бы отказалась от вашего угощения.

Он не отвечал ни слова и продолжал с дерзкой нежностью смотреть на уголки ее губ, – маленькие, чуть влажные, нежно-розовые уголки, которые, приоткрываясь, позволяли видеть ярко-алый ротик. Жервеза, однако, не отодвигалась и глядела на кровельщика спокойно и дружелюбно. После недолгого молчания она прибавила:

– Право, вы говорите, не подумав. Я уже старуха, у меня восьмилетний сын… Что мы будем делать вместе?..

– Как что? – подмигнув, прошептал Купо. – Да то же, что делают все!

Но она досадливо пожала плечами.

– Ах, неужели вы думаете, что это всегда занятно? Сразу видно, что вы еще не были женаты… Нет, господин Купо, мне надо быть серьезной. Легкомыслие ни к чему хорошему не приводит. У меня дома два голодных рта, и прокормить их, знаете, дело вовсе не шуточное. Как смогу я воспитывать детей, если буду заниматься разными глупостями?.. И потом, несчастье послужило мне хорошим уроком. Мужчины для меня больше не существуют; если я и попадусь еще раз, то не скоро.

Она говорила не сердясь, очень холодно и рассудительно, так, словно вопрос шел о работе, – скажем, о причинах, мешающих ей накрахмалить косынку. Видно было, что она немало поразмыслила над этим.

Растроганный Купо повторял:

– Вы меня огорчаете, очень огорчаете.

– Да, я вижу, – ответила она, – и мне очень жаль вас, господин Купо… Но вы не обижайтесь на меня. Господи! Если бы я только захотела повеселиться, то, конечно, я предпочла бы вас всякому другому. Вы очень хороший, вы, наверное, добрый малый. Мы бы сошлись, зажили бы вместе, а там – будь что будет! Ведь так? Я вовсе не корчу из себя недотрогу, я не говорю, что этого никогда не случится… Но только к чему это, если сейчас мне не хочется! Вот уже две недели, как я работаю у Фоконье. Старший сынишка ходит в школу. Я работаю, я довольна… Что ж? Пусть лучше так и останется.

Она наклонилась, чтобы поднять корзину.

– Я совсем заболталась с вами, меня уже ждут у хозяйки… Господин Купо, вы найдете другую, гораздо красивее меня и без детишек на шее.

Купо посмотрел на круглые часы, вделанные в зеркало, и воскликнул:

– Да погодите же! Сейчас только тридцать пять минут двенадцатого… У меня еще двадцать пять минут времени… Не бойтесь, я не наделаю глупостей – между нами стол… Неужели я вам так противен, что вы даже не хотите немножко поболтать со мной?

Чтобы не огорчать его, Жервеза снова поставила корзину на пол; они стали беседовать по-приятельски. Она позавтракала перед тем, как отнести белье, а он, чтобы успеть встретить ее заблаговременно, поторопился съесть суп и говядину. Жервеза, вежливо поддерживая разговор, поглядывала на улицу через окно, заставленное графинами с фруктовыми наливками. Улица, сдавленная домами, была необыкновенно оживлена и полна суматохи, так как уже давно наступил обеденный час. На тротуарах стояла толкотня, спешащие люди размахивали руками, протискивались, обгоняли друг друга. Запоздалые рабочие, с угрюмыми от голода лицами, огромными шагами мерили мостовую и заходили в булочную напротив. Они выходили оттуда с хлебом под мышкой и шли прямо в ресторан «Двуголовый Теленок», – рядом, через три двери. Там они съедали «дежурное блюдо» за шесть су. Около булочной находилась овощная лавка; в ней продавался жареный картофель и съедобные ракушки с петрушкой. Из лавки бесконечной вереницей выходили работницы в длинных фартуках; они выносили картошку в бумажных фунтиках или ракушки в чашках; худенькие хорошенькие простоволосые девушки покупали пучки редиски. Когда Жервеза наклонялась, ей видно было колбасную, битком набитую народом. Оттуда выходили дети, неся в засаленной бумаге кто котлеты, кто сосиски, а кто жареную колбасу. Между тем на мостовой, где из-за постоянной толчеи не просыхала грязь даже и в хорошую погоду, уже появлялись рабочие, успевшие пообедать в харчевнях. Спокойные, отяжелевшие от еды, они медленно брели посреди этой сутолоки, вытирая руки о штаны и похлопывая себя по ляжкам.

Небольшая группа собралась у дверей «Западни».

– Послушай, Шкварка-Биби, – сказал чей-то хриплый голос. – Ты платишь за выпивку?

В кабачок вошли пятеро рабочих. Они остановились у стойки.

– А, старый плутяга, папаша Коломб! – сказал тот же голос. – Налей-ка нам нашей старинной, да чтоб не наперстки были, а настоящие стаканы.

Дядя Коломб невозмутимо наполнил стаканы. Вошли еще трое рабочих. Мало-помалу кучка рабочих начала скопляться на углу. Потоптавшись немного на тротуаре, они неизменно кончали тем, что, подталкивая друг друга, входили в украшенные пыльными олеандрами двери кабачка.

– Вот глупый. Вечно у вас всякие пакости на уме, – говорила Жервеза. – Конечно, я его любила… Но после того, как он так гнусно бросил меня…

Они говорили о Лантье. Жервеза больше не видала его. Он, по-видимому, живет с Аделью, сестрой Виржини, в Гласьере, у того приятеля, что хочет открыть шапочную мастерскую. Впрочем, она вовсе не собирается гоняться за ним. Конечно, сначала было очень горько, она даже хотела утопиться, но теперь образумилась, – в конце концов все вышло к лучшему. С этим Лантье ей, пожалуй, так и не удалось бы вырастить детей, – он ужасно транжирил деньги. Если Лантье вздумает зайти поцеловать Этьена и Клода, она не вышвырнет его за дверь; но что до нее, то она скорее даст изрубить себя на куски, чем позволит ему коснуться себя хотя бы пальцем.

Жервеза говорила это со спокойной решимостью; видно было, что она твердо определила правила своей дальнейшей жизни. Но Купо, который не желал расстаться с мыслью когда-нибудь овладеть ею, шутил, отпускал непристойности, задавал ей весьма откровенные вопросы

насчет Лантье, но все это выходило у него так весело, и он так добродушно сверкал белыми зубами, что Жервеза и не думала обижаться.

– Нет, вы его, наверно, били, – сказал, наконец, Купо. – О, вы вовсе не добрая! Вы всех колотите.

Жервеза расхохоталась. Да, правда, она отлупила верзилу Виржини. В тот день она была в такой ярости, что могла бы и задушить кой-кого. Она так и покатилась со смеху, когда Купо рассказал ей, что Виржини в себя не могла прийти оттого, что ее при всех заголили, – она даже перебралась в другой квартал. А поглядеть на Жервезу, – какое младенчески кроткое личико. Жервеза вытягивала полные руки и твердила, что неспособна даже муху обидеть. Она слишком хорошо знает, что такое побои: ей самой пришлось немало их вынести в жизни. Тут Жервеза стала рассказывать о своем детстве, о Плассане. Никогда не была она гулякой, хоть мужчины и гонялись за ней. Когда она сошлась с Лантье, ей было всего четырнадцать лет. Ее это забавляло, потому что Лантье изображал мужа, а она разыгрывала из себя хозяйку. Жервеза уверяла, что главный ее недостаток – чрезмерная чувствительность. Она всех любит и привязывается к людям, которые потом делают ей массу гадостей. И когда она любит мужчину, она вовсе не о глупостях думает, а мечтает только о том, чтобы прожить вместе счастливую жизнь.

Но Купо, посмеиваясь, напомнил ей о детях, – не из подушки же она их высидела! Жервеза ударила его по пальцам и сказала, что, конечно, она сделана из того же теста, что и все женщины; но только напрасно мужчины думают, будто женщина без этого жить не может. Женщины вечно озабочены хозяйством, они до упаду работают по дому и так устают к вечеру, что, едва улягутся, засыпают как убитые. Кроме того, она очень похожа на свою мать. Вот уж была труженица, двадцать лет служила рабочей скотиной папаше Маккару, так и умерла за работой. Только она, Жервеза, хрупкая, а мать была такая широкоплечая, что, проходя в дверь, косяки выворачивала, – но это ничего не значит, все-таки она вся в мать, особенно своей привязчивостью к людям. Даже вот эту легкую хромоту она унаследовала от своей несчастной матери. Папаша Маккар зверски истязал жену. Матушка много раз рассказывала, как отец возвращался ночью вдребезги пьяный и лез к ней, и лапал ее так, что чуть не ломал ей руки и ноги. Должно быть, в одну из таких ночей она и зачала ее, и потому у нее одна нога короче другой.

– О, это ничего, это совсем незаметно, – любезно сказал Купо.

Жервеза покачала головой. Она хорошо знала, что это очень заметно; к сорока годам она согнется в три погибели. Потом она ласково, с тихим смехом добавила:

– И что у вас за причуда влюбиться в хромую?!

Тогда Купо, не снимая локтей со стола и приблизив к Жервезе лицо, начал говорить ей любезности, не стесняясь в словах и стараясь обольстить ее. Но она, не поддаваясь соблазну, отрицательно качала головой, хоть ей и приятно было слушать его вкрадчивый голос. Она слушала, глядя в сторону, и, казалось, с интересом наблюдала за все прибывавшей толпой. В опустевших лавочках подметали полы; зеленщица убирала последнюю сковородку с жареной картошкой, а колбасник собирал тарелки, разбросанные по прилавку; из харчевен кучками выходили рабочие. Здоровенные, бородатые парни толкали и шлепали друг друга, озорничали, как мальчишки, грохоча по мостовой тяжелыми подкованными башмаками. Другие, заложив руки в карманы, глубокомысленно курили и, щурясь, поглядывали на солнце. Тротуары и мостовые кишмя кишели народом, из открытых дверей выходили толпы и медленным потоком растекались по улице, останавливаясь среди телег, – настоящая лавина блуз, курток, пальто, выгоревших и порыжелых в ярком, ослепительном солнечном свете. Вдалеке звонили фабричные колокола, но рабочие не спешили. Они раскуривали трубки, переходили от кабачка к кабачку; потом, сгорбившись, волоча ноги, отправлялись, наконец, на работу. Жервеза с интересом следила за тремя парнями, которые, пройдя несколько шагов, явно норовили повернуть обратно. Один из них был высокий, другие два низенькие. В конце концов все трое повернули назад и проследовали в «Западню» дяди Коломба.

– Ловко! – прошептала Жервеза. – Посмотрите, как им не терпится.

– А! Я знаю этого высокого, – сказал Купо. – Это Сапог, мой товарищ.

«Западня» была полна. Шла перебранка: сквозь густой и хриплый гул голосов прорывались зычные выкрики. От ударов кулаком по прилавку то и дело, дребезжа, подскакивали стаканы. Пьяницы, теснясь кучками, стояли, заложив руки за спину или скрестив их на груди, дожидаясь, пока дойдет до них очередь и дядя Коломб нацедит всем по стаканчику. Возле бочек собралась компания, которой надо было ждать еще минут пятнадцать.

– Как! Да это, кажется, наш барон Смородинка! – крикнул Сапог, хлопнув Купо по плечу. – Шикарный мужчина, – с папироской и в белой сорочке! Вот оно как! Удивить хотим приятельницу, нежностями ее угощаем!

– Ну тебя, не приставай! – недовольно ответил Купо.

Но Сапог продолжал издеваться:

– Скажите, пожалуйста! Малютка на высоте величия! Свинья как свинья. Только и всего.

И, двусмысленно подмигнув Жервезе, он повернулся к ним спиной. Жервеза испуганно отодвинулась. Табачный дым и резкий запах, исходивший от толпы, смешивался со спиртными парами. Жервеза задыхалась и покашливала.

– Какая отвратительная вещь – пьянство! – проговорила она вполголоса.

Она стала рассказывать Купо, что когда-то, в Плассане, она часто пивала с матерью анисовку, но один раз так напилась, что чуть не умерла, и с тех пор ей опротивели все спиртные напитки; она просто глядеть на них не может.

– Смотрите, – сказала Жервеза, показывая на свой стакан. – Сливу я съела, а настойку оставила. Мне бы дурно сделалось.

Купо тоже не понимал, как это можно дуть водку стаканами. Ну, перехватить иной раз немножко сливянки – это еще не страшно. Но что до абсента, водки и прочих гадостей, то слуга покорный! Он к ним и не прикасается. Товарищи могут сколько угодно поднимать его на смех, но когда эти пьяницы заворачивают в кабак, он доходит с ними только до порога. Папаша Купо, который тоже был кровельщиком, окончил тем, что размозжил себе голову о мостовую на улице Кокнар, свалившись в нетрезвом виде с крыши дома номер двадцать пять. Все в семье это помнят, и с тех пор с этим баловством у них покончено. Когда он, Купо, проходит по улице Кокнар и видит это место, – ему хоть даром поднеси, он не выпьет; лучше воды из канавы напьется. В заключение Купо заявил:

– В нашем ремесле нужно крепко держаться на ногах.

Жервеза снова взяла корзинку. Но она не поднялась с места, а, поставив ее себе на колени, задумалась, устремив вдаль мечтательный взгляд, как будто слова молодого рабочего пробудили в ней какие-то смутные мечты. Наконец она медленно заговорила:

– Боже мой! Я ведь не честолюбива, я много не прошу… Моя мечта – спокойно работать, иметь постоянно кусок хлеба и жить в своей комнатушке, чтоб было чисто. Ну, стол, кровать, два стула, не больше… Ах! Еще хотелось бы мне воспитать как следует ребят, сделать из них настоящих людей, если только это возможно. Есть еще одна мечта: чтобы меня больше не били, если уж мне суждено выйти когда-нибудь замуж. Да, я не хочу, чтоб меня били… И это все. Понимаете? Все… – Она подумала, отыскивая, чего бы ей еще хотелось, и не находила больше никаких серьезных желаний. Потом, поколебавшись, добавила: – Можно еще, пожалуй, пожелать умереть на своей кровати… После моей бесприютной жизни мне приятно было бы умереть на своей кровати, в своей комнате.

Она встала. Купо, живейшим образом одобрявший ее желания, уже стоял на ногах. Он боялся опоздать на работу. Но они вышли не сразу. Ей хотелось пойти поглядеть на перегонный куб из красной меди, работавший за дубовой загородкой, в застекленном, светлом, маленьком дворике. Кровельщик пошел с нею и стал объяснять, каким образом это устроено. Он показывал пальцем на различные части аппарата и обратил внимание Жервезы на огромную реторту,

из которой тоненькой прозрачной струйкой вытекал спирт. Перегонный куб со своими замысловатыми приемниками, с бесконечными, извивающимися змеевиками выглядел мрачно. Над ним не поднималось ни единого дымка; только где-то внутри слышалось тяжелое дыхание, какой-то подземный храп, словно некое угрюмое, немое и мощное существо совершало тут среди бела дня неведомое черное дело. Между тем подошел Сапог со своими приятелями и оперся на барьер. Они поджидали свободного местечка у стойки. Сапог смеялся, взвизгивая, как плохо смазанный блок, покачивал головой, пристально и нежно глядел на машину. Боже! До чего она хороша! В этой огромной медной утробе есть чем промочить глотку, – хватит на целую неделю! Вот если бы ему впаяли кончик змеевика прямо между зубами, он бы чувствовал, как в него течет совсем горячая, свежая водка, как она наполняет его, растекается до самых пяток, течет и льется без конца, словно ручеек. И так всегда, всегда! Э, черт побери! Тогда бы нечего было беспокоиться: такая штука отлично заменила бы ему наперстки этого стервеца, дяди Коломба! Приятели посмеивались над ним, говорили, что пьянчуга Сапог неплохо придумал. Тускло отсвечивая медью, без вспышек, без блеска перегонный куб продолжал свою глухую, мертвенную работу, – тихо струился спиртной пот. Эта медленная, упорная струя, казалось, должна была в конце концов заполнить все помещение, вылиться на внешние бульвары и затопить огромную яму – Париж. Жервеза вздрогнула и отодвинулась. Силясь улыбнуться, она прошептала:

– Как глупо! У меня от этой машины холод побежал по спине. Водка кидает меня в дрожь… – И, возвращаясь к своим мыслям о счастье, она сказала: – Послушайте, не правда ли, ведь куда лучше работать, иметь кусок хлеба, жить в своей собственной конурке, растить детей, умереть на своей кровати…

– И не быть битой, – весело закончил Купо. – Но ведь я не буду вас бить, Жервеза. Если бы вы только захотели… Вы можете не бояться, я человек непьющий, и ведь я вас так люблю… Послушайте, а что, если нам сегодня лечь вместе?

Он понизил голос и говорил, пригнувшись к ее шее. Она расчищала себе дорогу в толпе, держа перед собой корзину, и все время отрицательно качала головой. Но все-таки она время от времени оборачивалась и улыбалась ему: ей, видимо, было приятно, что он не пьет. Конечно, она сказала бы ему да, если бы не поклялась не иметь больше дела с мужчинами! Наконец они протискались к двери и вышли. Битком набитый кабачок остался позади. Даже на улице чувствовалось его спиртное дыхание. Сквозь доносившийся до них гул осипших голосов слышно было, как Сапог ругал дядю Коломба сволочью и утверждал, что его стакан был налит только до половины. И кого обмануть хотел! Такого хорошего, веселого, такого боевого парня! Тьфу! Старая обезьяна, скаред проклятый. Он не вернется в эту дыру, она ему опостылела! И Сапог предлагал своим двум приятелям идти в кабачок «Кашляющий Карапузик» у заставы Сен-Дени. Вот там подают так подают!

– Ох! Можно вздохнуть наконец, – сказала Жервеза, выйдя на улицу. – Ну, прощайте и спасибо, господин Купо… Мне надо спешить.

Она направилась было по бульвару, но Купо схватил ее за руку.

– Пойдемте вместе по Гут-д'Ор, – говорил он, не выпуская ее руки. – Это для вас совсем небольшой крюк. Мне надо зайти к сестре, прежде чем вернуться на работу… Пройдемтесь вместе!

В конце концов Жервеза согласилась, и они медленно двинулись по улице Пуассонье. Они шли рядом, но он не решался взять ее под руку. Купо рассказывал о своей семье. Его мать была раньше жилетной мастерицей, а теперь живет в прислугах, потому что у нее стали слабеть глаза. В прошлом месяце, третьего числа, ей исполнилось шестьдесят два года. Он самый младший в семье. Одна из сестер, г-жа Лера, – цветочница, вдова. Ей тридцать шесть лет, она живет на улице Муан в Батиньоле. Другой сестре тридцать лет. Она замужем за золотых дел мастером Лорилле, очень хитрым человеком. К ней-то он и идет. Она живет на улице Гут-

д'Ор, в большом доме по левой стороне. Он ежедневно ужинает у них: это выгодно всем троим. Теперь ему надо зайти к ним и предупредить, чтобы его не ждали, потому что сегодня он приглашен к приятелю. Вдруг Жервеза, улыбаясь, перебила его:

– Так вас зовут Смородинкой, господин Купо?

– Да, такое уж прозвище, – ответил он. – Мне дали его приятели, потому что, когда они затаскивают меня в кабачок, я обыкновенно спрашиваю только смородинную наливку… Все-таки лучше уж называться Смородинкой, чем Сапогом. Ведь правда?

– Конечно. Смородинка – это вовсе не плохо, – решила молодая женщина.

Она стала расспрашивать его о работе. Он все еще работал за городской стеной, в новой больнице. О! Работы там довольно; пожалуй, хватит на год. Крыша огромная!

– Вы знаете, – добавил он, – когда я работаю наверху, мне видно «Гостеприимство»… Вчера вы стояли у окна. Я махал руками, но вы меня не заметили.

Они уже прошли несколько сот шагов по улице Гут-д'Ор, когда он остановился, взглянул вверх и сказал:

– Вот здесь они и живут… Я-то сам родился немножко дальше, в номере двадцать втором… Посмотрите-ка на эту махину: немало кирпича ушло на нее… Внутри она еще больше. Настоящая казарма.

Жервеза, подняв голову, разглядывала фасад. Это был шестиэтажный дом. Он глядел на улицу длинными рядами стекол. В каждом ряду было по пятнадцати окон. Черные жалюзи с продавленными решетками придавали огромной стене вид развалины. Первый этаж занимали четыре лавки: направо от ворот помещалась грязная харчевня, налево – угольщик, галантерейная лавочка и мастерская зонтиков. Дом казался еще больше оттого, что с обоих боков к нему примыкали маленькие, хилые постройки. Эта четырехугольная громада, похожая на безобразную глыбу извести, осыпающаяся и гниющая под дождем, выступая на ясном небе, поднимала над соседними крышами громадный уродливый корпус, напоминающий своими облезлыми боками грязную наготу тюремных стен. Выщербленные кирпичи на стыках стен казались дряблыми челюстями, зиявшими в пустоте. Жервеза разглядывала ворота, – громадный полукруг, поднимающийся до третьего этажа и образующий глубокую нишу, по ту сторону которой сквозил тусклый свет внутреннего двора. Проход в этой нише был вымощен, как улица, из него вытекал ручей нежно-розового цвета.

– Входите же, – сказал Купо. – Вас там не съедят.

Жервеза решила подождать его на улице. Однако, постояв немного, она поддалась искушению и вошла в ворота. Остановившись у порога дворницкой, помещавшейся справа, она снова подняла глаза. Со двора дом подымался на семь этажей. Четыре прямоугольные стены замыкали громадный квадрат двора, серые стены, совершенно плоские, без всяких украшений, изъеденные желтыми язвами и покрытые бурыми полосами от стекавшей с карнизов воды, вздымались от земли до крыши. Только водосточные трубы пересекали этажи да ящики для провизии выделялись под окнами ржавыми чугунными пятнами. Окна без ставней поблескивали голыми, серовато-зелеными, мутными стеклами. Некоторые из них были открыты, и в них проветривались голубые клетчатые тюфяки или сушилось на протянутых веревках белье: мужские сорочки, женские кофточки, детские штанишки и прочее домашнее тряпье. В одном из окон четвертого этажа висел загаженный детский матрасик. Внутренности тесных жилищ вылезали наружу, их жалкая нищета выпирала изо всех щелей. Внизу каждого фасада высокая узкая дверь без всякой отделки, врезанная в голую штукатурку, открывалась в облезлый вестибюль, в глубине которого виднелась грязная витая лестница с железными перилами. Все четыре лестницы были обозначены литерами A, B, C, D, написанными прямо на стене. Весь первый этаж занимали большие мастерские с широкими, черными от пыли окнами. Здесь виднелся пылающий горн слесаря, а немного дальше слышался визг рубанка из столярной. Около самых ворот помещалась красильня: из нее-то и вытекал пенящийся нежно-розовый ручеек.

На дворе там и сям поблескивали цветные лужи, повсюду валялись стружки, чернели груды каменноугольного шлака. Кое-где по краям между камнями пробивалась трава, и весь двор в ярком дневном свете был словно разделен пополам резкой чертой, отделявшей теневую половину от солнечной. На теневой стороне около водопроводной колонки с постоянно сочащейся из крана водой копались в грязи три курицы и быстро клевали землю, отыскивая червяков. Жервеза медленно оглядывала дом, спускаясь взглядом с седьмого этажа до первого и снова поднимаясь вверх; пораженная этой громадой, чувствуя себя словно внутри живого организма, в самом сердце города, она разглядывала дом, как если бы это был живой великан.

– Кого вам угодно? – крикнула привратница, с любопытством выглядывая из дверей своей каморки.

Жервеза объяснила ей, что ждет знакомого, и вышла на улицу. Но так как Купо все не появлялся, она снова вернулась во двор: ее тянуло поглядеть еще немного, – дом вовсе не казался ей безобразным. Среди увешанных тряпьем окон попадались и приятные взгляду веселые уголки – цветущий левкой в горшке, клетка с чирикающим чижиком или маленькие зеркальца для бритья, поблескивавшие словно звезды в глубокой тени. Внизу под мерный свист рубанка пел столяр; из слесарни доносился густой серебристый звон ритмично ударявших молотков. Почти во всех открытых окнах среди выглядывающего наружу нищенского скарба виднелись грязные смеющиеся детские личики или профили спокойно склонившихся над шитьем женщин. Это было время горячей послеобеденной работы. Комнаты мужчин были пусты. Тишину нарушал только разнообразный шум мастерских, убаюкивающее гудение, безостановочно, часами звучащее в ушах. Но двор все-таки был немного сыроват. Если бы Жервезе пришлось жить здесь, она выбрала бы квартиру в глубине, на солнечной стороне. Она прошла пять-шесть шагов по двору, вдыхая затхлый воздух мещанских жилищ, запах залежавшейся пыли, плесени и грязи. Но так как над всем этим господствовал резкий запах красильни, Жервезе показалось, что здесь пахнет совсем не так плохо, как в «Гостеприимстве». Она даже выбрала себе в левом углу дома окно, на котором стоял ящичек с душистым горошком. Его нежные стебельки вились вокруг натянутых веревочек.

– Я заставил вас ждать, – внезапно раздался совсем рядом с ней голос Купо. – Когда я не ужинаю с ними, это целое событие. А сегодня вдобавок сестра купила телятины.

Жервеза вздрогнула от неожиданности, а Купо продолжал, окидывая взглядом дом:

– Вы, я вижу, разглядываете дом? Он всегда полон сверху донизу. Я думаю, здесь живет по меньшей мере триста семей… Будь у меня мебель, я бы тоже снял себе комнатушку… Здесь можно недурно устроиться, правда?

– Да, здесь хорошо, – сказала Жервеза. – В Плассане, на нашей улице, было далеко не так людно. Посмотрите, вон славное окошко на шестом этаже – то, на котором горошек.

Тогда Купо снова упрямо спросил, не согласится ли она жить с ним. Им надо только обзавестись кроватью, и они поселятся здесь. Но она быстро отошла от него и направилась к воротам, уговаривая его не дурить. Скорее дом обрушится, чем она ляжет с ним под одно одеяло. Но все-таки, прощаясь с Жервезой у прачечной Фоконье, Купо задержал на несколько секунд ее руку, протянутую вполне дружески.

Прошел месяц. Добрые отношения между кровельщиком и молодой женщиной не прекращались. Он считал ее молодцом: целый день она работала, ухаживала за детьми, а по вечерам еще находила время перешивать и штопать всякое тряпье. Купо говорил Жервезе, что бывают, конечно, легкомысленные, бессовестные женщины, но она, честное слово, совсем на них не похожа! Она относится к жизни серьезно. Тогда Жервеза, посмеиваясь, скромно возражала, что, к несчастью, она далеко не всегда была так умна. И она вспоминала свои юные годы, когда ей было всего четырнадцать лет, – как они, бывало, с матерью напивались анисовой. Ее немного исправил жизненный опыт – вот и все. Напрасно думают, что у нее сильная воля, наоборот, она очень слабохарактерная. Из боязни огорчить кого-нибудь, она идет туда, куда ее

толкают. Ее мечта жить среди честных людей, говорила она. Потому что дурная компания – это все равно как капкан: прихлопнет, раздавит, любую женщину может превратить в ничто. Ее в пот бросает при мысли о будущем, она чувствует себя как монета, подброшенная в воздух: орел или решка выйдет – это дело случая. Она всего насмотрелась, она видела ужасные вещи в детстве, она получила жестокий урок.

Купо посмеивался над ее мрачными мыслями и пытался даже ущипнуть, что мгновенно возвращало ей всю энергию; она отталкивала его, шлепала по рукам, а он, смеясь, кричал, что для слабой женщины она слишком хорошо обороняется. Купо, весельчак по натуре, не любил задумываться над будущим. День прошел – и ладно! Кусок хлеба и кров всегда у него будут. Квартал здесь вполне приличный, если не считать всех этих пьяниц, которых следовало бы вышвырнуть отсюда. Купо был не злой малый и рассуждал иногда очень здраво. Он следил за своей внешностью и тщательно расчесывал волосы на пробор. Для воскресных дней у него были и красивые галстуки, и лаковые ботинки. Нахальный, ловкий, как обезьяна, это был настоящий парижский мастеровой, веселый зубоскал с приятным подвижным лицом, еще сохранившим юношескую свежесть.

Мало-помалу у них вошло в привычку оказывать друг другу разные мелкие услуги. Купо ходил для Жервезы за молоком, исполнял ее поручения, относил для нее белье и часто вечером водил детей гулять на бульвар, так как возвращался с работы первым. Жервеза, чтобы не остаться в долгу, поднималась в его узкую комнатушку под самой крышей, разбирала его одежду, пришивала пуговицы к штанам, чинила полотняные рубахи. Между ними установились совсем приятельские отношения. Жервеза не скучала с ним, ее забавляли его песенки, его постоянная, еще непривычная для нее, шутливая болтовня жителя парижских предместий. Но чем больше Купо вертелся около Жервезы, тем больше воспламенялся. Он влюбился, по уши влюбился! Он задыхался от страсти. Он пытался зубоскалить, но чувствовал себя при этом так отвратительно, что положение вовсе не казалось ему забавным. Он по-прежнему дурил, и стоило ему только встретиться с Жервезой, как он тотчас же кричал ей: «Когда же?» Она понимала, что он хочет этим сказать, и отвечала: «После дождичка в четверг». Тогда Купо, чтобы подразнить ее, являлся в ее комнату с туфлями в руках, как бы собираясь перебраться к ней. Она шутила и очень весело проводила время, не краснея под постоянным градом непристойностей, к которым он успел приучить ее. Она спускала ему все, лишь бы он не был слишком груб. Рассердилась она на него только раз, когда он, желая насильно поцеловать ее, больно схватил ее за волосы.

К концу июня Купо утратил всю свою веселость. У него был болезненно упрямый вид. Жервеза, испуганная его взглядами, загораживала на ночь дверь. Однажды он дулся на нее с воскресенья до вторника, а во вторник, в одиннадцать часов вечера, постучался к ней. Жервеза не хотела впускать его, но он просил ее таким дрожащим, таким нежным голосом, что в конце концов она отодвинула загораживавший дверь комод. Когда Купо вошел, Жервеза подумала, что он болен: лицо его было бледно, глаза покраснели. Он стоял перед ней и бормотал что-то, покачивая головой. Нет, нет, он не болен. Он плакал целых два часа там, наверху, у себя в комнатке. Он плакал, как ребенок, уткнувшись в подушку, чтобы его не слыхали соседи. Вот уж три ночи, как он не смыкает глаз. Так дальше продолжаться не может.

– Послушайте, Жервеза, с этим надо покончить, – сказал он сдавленным голосом, и слезы снова подступили у него к горлу. – Мы поженимся. Я так решил, я этого хочу.

Жервеза была изумлена. Она стала очень серьезной.

– Ах, господин Купо, – прошептала она, – что это вам пришло в голову! Я никогда не добивалась этого, вы отлично знаете… Неподходящее это для меня дело – вот и все! Нет, нет, теперь я говорю очень серьезно. Подумайте хорошенько. Прошу вас.

Но он продолжал качать головой с видом непреклонной решимости. Все уже обдумано. Он спустился потому, что хочет, наконец, заснуть спокойно. Пусть она не заставляет его снова

плакать у себя наверху. Как только она скажет да, он перестанет ее мучить, и она сможет идти спать. Он хочет только одного: чтобы она сказала ему да. Они переговорят подробно завтра.

– Я, конечно, не скажу вам так вот просто да, – ответила Жервеза. – Я не хочу, чтобы вы потом обвиняли меня, будто я толкнула вас на глупость… Напрасно вы так настаиваете, господин Купо. Вы сами не знаете, какие у вас чувства ко мне. Я уверена, что если бы мы неделю не встречались, все бы это прошло. Мужчины часто женятся ради одной только ночи, а потом идут другие ночи и дни, и так тянется вся жизнь, и люди делаются ненавистны друг другу… Сядьте, я хочу с вами поговорить.

Разговаривая о женитьбе, они просидели до часа ночи в темной комнате при тусклом свете коптящей свечи, с которой они забывали снимать нагар. Они говорили вполголоса, чтобы не разбудить детишек, Клода и Этьена, которые спали на одной подушке, тихонько посапывая во сне. Жервеза каждую минуту возвращалась к ним и показывала на них Купо. Недурное она принесет ему приданое! В самом деле, как она может заставить его кормить двух малышей? И потом – какой стыд. Что будут говорить соседи? Все видели ее с сожителем, все знают ее прошлое; не очень-то будет удобно, если они поженятся через какие-нибудь два месяца после этой истории. Но Купо на все эти доводы только пожимал плечами. Наплевать ему на соседей! Он не сует носа в чужие дела, он не охотник пачкаться! Ну, хорошо, она жила с Лантье. Так что за беда? Она ведь не зарабатывала этим и не старается водить мужчин на дом, как это делают многие женщины, и притом побогаче ее. Что же до детей, ну будут расти, надо воспитать их, черт возьми! Никогда ему не найти такой мужественной, доброй, прекрасной женщины. Да, наконец, дело даже не в этом. Даже если бы он подобрал ее на улице и она была бы уродина, скверная, ленивая и с целой кучей чумазых ребятишек – и это бы его не остановило: он ее хочет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.